

СЕМЁН ШУРТАКОВ

ЛЮБИТ ЛИ БОГ ТРОИЦУ?

“Бог любит троицу” – так назвал свою книгу один молодой писатель. Название столь же привлекающее вероятного читателя, сколь и призывающее к серьезному размышлению.

Что ж, давайте попытаемся поразмышлять.

Главный герой рассказа, давшего название книге, Антон работает в “Скорой помощи”, хотя и не имеет никакого медицинского образования. Впрочем, такое образование ему и ни к чему. Он работает в особом, так сказать, отделении “Скорой помощи” – психиатрической бригаде и выезжает с врачом по вызовам: где-то кого-то ножом пырнули или кому-то и вовсе голову топором оттяпали – в большом городе всякое случается. Иногда врач едет к таким, мягко говоря, психически неуравновешенным больным, он не застрахован от того, что и его могут пырнуть. И вот задача Антона состоит в том, чтобы охранять врача, усмирять тех, у кого в руках топор или какой другой, столь же опасный инструмент, например, ружье или пистолет.

Так что работенка у Антона, прямо сказать, незавидная. И – цитирую – “побывав два раза на волосок от смерти, он решил судьбу не испытывать, ведь говорят же, что Бог троицу любит”. Заявление об увольнении Антон написал, как и полагается, за две недели, осталось отработать последние сутки. Сутки оказались довольно драматичными, но не о них дальше будем вести речь, а зададимся наивным вопросом: при чем тут упомянутая автором Троица, которую Бог любит?

Поначалу я пытался задавать вопрос о смысле этого присловья своим знакомым. Однако же ответы были или уклончивыми, или неопределенными. Одни ссылались на Божескую троичность: Бог–Отец, Бог–Сын и Бог–Дух Святой. И тогда получалось, что Господь Бог как бы любит самого себя. Другие говорили: а вот рублевская “Троица” – она же чудо как хороша, и как ее не любить? Вот тут уж и вовсе получается несерьезная подмена понятий: я люблю “Троицу” Андрея Рублева, и почему бы Богу ее не любить?

Вопрос оказывается не столь наивным, сколь серьезным и даже каверзным, поскольку, с одной стороны, присловье это считается ходячим, а с другой – никто не сможет объяснить, что же оно, в сущности, обозначает, что за троица, которую Господь Бог любит?

В подобных случаях принято обращаться к так называемым первоисточникам: может быть, когда-то суть этого присловья была хорошо известна, но за давностью лет подзабылась и ушла в небытие...

Что ж, с помощью известных книг заглянем в те давние времена.

Начнем с Ивана Снегирева. Он первым в России, еще в начале XIX века, собрал и издал прекрасный том – “Русские в своих пословицах и поговорках”. Читать этот труд – одно удовольствие; о каждой странице и каждой строке можно сказать: здесь русский дух, здесь Русью пахнет. Однако же среди множества замечательных, ярких, образных пословиц, интересующей нас поговорки, увы, нет.

Жаль, конечно, но, как говорится, на нет и суда нет. Утешимся тем, что во второй половине того же века на небосклоне русской словесности засияли такие ослепительно яркие звезды собирателей и исследователей народного языкотворчества, как В. Даль, И. Иллюстров, М. Михельсон. Уж у них-то, наверняка, найдем то, что нам надо.

В большом двухтомнике В. Даля “Пословицы русского народа” есть даже целый раздел “Бог – вера”, и занимает он ни много, ни мало – девять страниц. И на этих страницах можно найти и “Все мы под Богом ходим” или “Без Бога – ни до порога”, “Как Бог велит” или “Как Бог попустит”, “Кто добро творит – тому Бог оплатит” (вариант: благословит), “У Бога милости много”. Однако же “На Бога надейся, а сам не плошай” или, в крайнем случае, – “Проси Николу, а он Спасу скажет”. Можно привести и другие золотые россыпи народного творчества. Но нет ни одной пословицы или поговорки, в которой было бы сказано, что Бог что-то или кого-то любит. Ни единой!

Точно так же нет такой пословицы и в фолианте большого формата (более 7 тысяч пословиц!) И. Иллюстрова, многозначительно озаглавленного “Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках”.

Остается разве что столь же внимательно вчитаться в сборник М. Михельсона “Ходячие и меткие слова”, изданный в 1976 году.

У него вначале тоже идут словообразования, нам уже знакомые: “Бог дал, Бог и взял”. “Бог даст день, Бог даст и пищу”... а вот далее – кажется, именно то, что мы и ищем: “Бог любит троицу”. Наконец-то! Наконец-то мы узнаем, какую троицу Бог любит!

Однако же не будем забегать вперед, прочитаем пояснительный текст. Тем более что он с первых же слов озадачивает: “Виргилий намекает на суеверие древних и на мистическое значение, которое они придавали нечетным числам. Пифагор в числе “один” видел представление о Божестве. Два – дурное начало. Три – символ гармонии. Древние пили три раза в честь трех граций. Миром управляли трое – Юпитер, Нептун и Плутон. При жертвоприношениях ходили три раза вокруг жертвенника. Многие перешло и к нам...”

Как видим, возрадовались мы преждевременно. В пояснении и Бога-то нашего христианского вовсе нет, есть лишь греческие языческие божества. И если косвенно и упоминается о любви-предпочтении, но опять же – не к пословичной троице, а всего-то к нечетному числу “три”... И конечно же, когда русский человек произносит “Бог любит троицу”, он однозначно не может иметь в виду ни Юпитера с Нептуном и Плутоном, ни трех граций, ни, тем более, хождения вокруг жертвенника...

И что же в итоге получается? А получается то, что мы вернулись к той же исходной точке, с которой и начали наше путешествие по первоисточникам. Русское ходячее, то есть, повторим, имеющее постоянное хождение в русской разговорной речи, присловье объясняется каким угодно, только не русским корневым происхождением.

Мориц Ильич Михельсон куда менее известен, чем, скажем, Владимир Даль, хотя о его “Ходячих и метких словах” в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и были сказаны в те же годы зело похвальные слова, как о “ценном собрании типичных выражений на семи языках”, и я, набравшись храбрости, осмеливаюсь предположить, что Михельсона как истинного ученого, знатока многих языков, не могло удовлетворить объяснение русского ходячего выражения каким-то “намеком Вергилия”. Храбрость подвигла меня на то, чтобы еще раз подойти к заветной полке и открыть вышедший уже семь лет спустя после “Ходячих слов” “Сборник образных слов и иносказаний” в двух больших томах все того же М. Михельсона (хотя, признаться, я сам себя и отговаривал: небось, и в этом издании будет повторено то, что было в “Ходячих и метких”).

Нет, ученый, должно быть, и в самом деле, испытывая неудовлетворенность своим “греческим” пояснением русского ходячего слова, продолжил поиски – честь ему и слава! – и вот как по-новому поясняет-объясняет всем известную троицу:

“В старинной церкви св. м. Флора и Лавра (у Мясницких ворот) на обоих клиросах главного престола изображены Ермий, Солон, Платон, Фукидид и Аристотель с хартиями в руках. У Фукидида рече еще: едино три и три едино, бесплотное образно есть Троица”.

Ну вот, теперь нам известно хоть само понятие Троицы, выраженное кратко, внятно и определено: едино три и три едино...

Но что особенно интересно и существенно – ученый языковед формулу Троицы привел в новом издании не вместо “греческой”. Нет, он полностью сохранил и ее: нечетное число “три” как было, так и осталось символом гармонии. Сохранена и очень важная для нас заключительная концовка: “Многое перешло и к нам”. Ведь это, на первый взгляд, простенькое умозаключение – не что иное, как напоминание-указание на историческую взаимосвязь времен, на то, что любимое всеми число “три”, как число особое, сохранялось, жило в веках, прежде чем дошло до нас. И, естественно, разными народами, при их национальных особенностях, по-разному воспринималось и философско-божественные, и цифровые постулаты древних мудрецов: одним нравилось одно, другие отдавали предпочтение другому.

Если же говорить о нас, русских, то с незапамятных времен не самым ли ходячим, чаще других повторяемым, было у нас нечетное число “три”.

Начнем с того, что на троичности Бога (Бог–Отец, Бог–Сын, Бог–Дух Святой) стоит сама наша христианская вера. И еще не умея читать, русик уже слышал сказки, в которых довольно часто речь шла о трех братьях: старший был самым умным, средний и так, и сяк, младшего же все считали за дурака, а он потом оказывался всех умнее: все-то ему, пусть и не с первого, а с третьего раза, но удавалось. Научился русич грамоте – сам стал читать, как народный богатырь из Мурома Илья тридцать лет и три года на печке лежал, силу копил, но уж потом-то в борении с врагами родной земли не имел себе равных. У Пушкина тоже из морской пучины выходят на берег не двадцать два, не пятьдесят пять, а именно тридцать три богатыря, в чешуе золотой горя. Да и Балду – как не вспомнить: нанятый попом работник запросил не совсем обычную плату за свой труд – всего-то три щелчка по лбу. Однако щелчки оказались такими, что поп пожалел, что погнался за дешевизною.

Строилась изба или дом. И не так-то просто было вздывать бревна на верхние венцы сруба – подъемных кранов еще не было. Помогала артельная песня “Дубинушка”, в которой были такие слова: ой, дубинушка, ухнем! Ой, зеленая – сам пойдет, подернем-подернем да ухнем! При повторе слов (подернем-подернем) – бревно двигалось в нужном направлении, а с третьим “Ухнем!” оно уже укладывалось на уготовленное ему место...

В большой чести, в большом ходу у нас всегда было это словечко. И если листать страницы нашей отечественной истории, – не сосчитать, сколько подтверждений этому отыщется.

А можно и не листать, а всего лишь вспомнить русскую деревню прежних лет и подивиться тому, как ее жители в повседневном крестьянском обиходе широко и свободно пользовались словами, обозначающими как четные, так и нечетные числа.

Ни наручных, ни карманных часов у крестьянина не было. И ориентировался он в текущем времени днем – по солнышку, а ночью по петушину пению. И первая петушиная переключка звалась первыми петухами, вторая, обозначающая полночь, – вторыми, а та, что раздавалась на утренней заре, перед восходом солнца – третьими. Надо ли пояснять, что самыми важными были они, провозглашавшие наступление нового дня. Между прочим, именно так и назвал свое последнее сочинение Василий Шукшин – “До третьих петухов”.

Ну и в заключение нашего письменного разговора вернемся к его началу.

Пословицы, ходячие и меткие слова, конечно же, оживляют нашу речь, делают ее более яркой и колоритной. Об этом знала даже Екатерина II, для которой русский язык не был родным. Она считала, что пословицы “изошряют разум и придают силу речам”. Однако же, меткие пословичные выражения в устную ли речь, в письменный ли текст нередко “встромляются” бездумно и вольно или невольно затемняют суть дела. Та же Екатерина сочинила комедию против такого употребления пословиц. Да и в народе, как мы знаем, живет-здоровствует известное речение о неких краснобах, которые ради красного словца готовы не пожалеть ни мать ни отца. Не то ли произошло и с троицей, которую будто бы Бог любит?

Оглянемся на упомянутый в начале рассказ, давший название книге, главный герой которого, побывав два раза на волосок от смерти, решает судьбу не испытывать – ведь говорят же, что Бог любит троицу – подает заявление об уходе с опасной работы. Трудно понять, при чем тут троица? А еще и то нехорошо, что автор, вместе со своим героем, не только не надеется на Божье милосердие, а, наоборот, выражает опасение, как бы Господь-Бог (а то у него мало других забот!) не подвесил бы Антона на тот самый смертельный волосок в третий раз. Повторим вопрос: при чем тут Троица?

А заодно скажем еще раз: в самой формуле “Бог любит троицу” имя Бога помянуто всуе. Это мы, человеки, можем кого-то любить, кого-то не любить и даже ненавидеть. Но корректно ли, как выражаются в нынешней Думе, позволительно ли нашим человеческим аршином мерять деяния Господа-Бога или допытываться, любит он или не любит Троицу. Нам известно, что Бог строг к тем, кто нарушает его заповеди. Даже пословица есть: Бог долго ждет да больно бьет. Но мы знаем также, что Бог милостив, и кто добро творит, тому тем же Бог и отплатит. Спрашивается: при чем тут Троица (три едино и едино три?) И надо ли во взаимоотношения Бога и человека вмешивать еще и Троицу и дознаваться, любит он ее или не любит.

Вот если бы свести эту формулу с небес на землю и, несколько упростив ее, задаться вопросом: любит ли русский человек Троицу – тут можно бы утверждать вполне определенно: да, русский любит Троицу, он любит и гениальное изображение Троицы Андреем Рублевым, и прекрасный праздник начала лета, который празднуется в пятидесятый день Воскресения Христова, когда вся наша русская природа цветет и благоухает.

А еще любит русский и тройку (словечко того же корня – символа гармонии), любит повторять вслед за великим писателем Николаем Гоголем, гениально олицетворившим нашу Россию необгонимой тройкой, такие слова:

“Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства”.